

14-е ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

(Речь, произнесенная на русском собрании в Женеве
14-го (27-го) декабря 1900 года)

Гг.!

Ровно 75 лет тому назад, четырнадцатого декабря 1825 года, в Петербурге произошло событие, глубоко поразившее современников и заслуживающее полного внимания потомства.

Я говорю о вооруженном восстании на одной из петербургских площадей.

В честь этого события мы собрались в этой зале, и, конечно, не мы одни чтим его память сегодня. Сочувственное воспоминание о нем заставляет усиленно биться сердца всех тех русских, — а может быть, и не одних только русских, — людей, которые не заинтересованы в поддержании *самодержавия* и которые неравнодушны к учреждениям, превращающим *обывателей в граждан*, то есть обеспечивающим стране блага политической свободы.

На собраниях такого рода, как нынешнее, не принято читать длинные «рефераты». Здесь более уместны так называемые немцами *Festrede**. Тем не менее я все-таки намерен характеризовать перед вами, хотя бы в немногих словах, как самое движение, приведшее к восстанию на Сенатской площади, так и ту среду, в которой оно возникло и развивалось.

А. Герцен в своей брошюре «*La Conspiration russe de 1825*»¹ говорит, что в царствование Александра I «дворянство составляло, так сказать, активный народ, под которым внизу был народ, остававшийся неподвижным, и над которым вверху стояло правительство, отказывавшееся идти вперед»².

Народ, то есть собственно крестьянство и немногочисленные

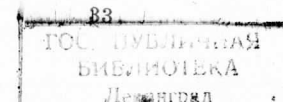
тогда фабричные рабочие, не был совершенно неподвижен и в то время. Он глухо волновался, и его неудовольствие то здесь, то там прорывалось в виде так называемых у нас *бунтов*, но Герцен все-таки прав в том смысле, что движение, которое мы имеем теперь в виду, происходило исключительно в *дворянской среде*. Когда Рылееву пришла мысль вербовать в члены Союза Благоденствия *купцов*, мысль эта была отвергнута его товарищами, потому что, как выразился член Союза барон Штейнгель, наши купцы — *невежды*.

Но какова же была тогда дворянская среда? Каково было социальное положение дворянства?

Дворянство было высшим, *привилегированным* сословием. Оно *эксплуатировало* крестьян. По экономической неразвитости тогдашней России, эксплуатация крестьян дворянством совершалась в самой грубой форме — *в форме крепостной зависимости*. Крепостное право определяло собою все отношения помещиков к крестьянам и налагало свою печать на весь социально-политический строй России. В своей непрестанной, хотя почти всегда скрытой, борьбе с помещиками крестьяне, неуверенные в своих собственных силах, *идеализировали* царя, воображая его народным заступником. Они готовы были истреблять дворян по первому знаку высшего правительства. Уже одного этого обстоятельства было достаточно, чтобы лишить дворян всякой независимости по отношению к царской власти. А к этому присоединялось еще недоверчивое и даже прямо враждебное отношение *низшего бедного* дворянства к *высшему богатому*. Известно, что это отношение в значительной степени способствовало торжеству императрицы Анны Ивановны над «верховниками», пытавшимися ограничить ее власть.

Ввиду всего этого «доблестному российскому дворянству» поневоле приходилось мириться со злом самодержавия и уверять в своей преданности тех самых царей, против которых оно «крамольничало» так часто и иногда так удачно. Русский дворянин, державший себя как «важный барин» со своими подчиненными, держал себя как лакей в своих сношениях с верховной властью. Вот как характеризует, например, на строение высшего московского общества умная и наблюдательная англичанка, мисс Катрин Уильмот, гостившая у княгини Е. Р. Дашковой в 1805—1807 годах: «Подчинение в высшей степени господствует в Москве. Здесь, собственно, нет того, что называют *джентльменом*; каждый измеряет свое достоинство мерой царской милости. Поэтому старые идиоты и выжившие из ума женщины всемогущи... имея на себе более лент

* торжественные речи (нем.). — Ред.

и чинов, чем люди молодые»*. И та же мисс Уильмот довольно ясно видела тесную связь между подмеченным ею духом «подчинения» и крепостным правом. «Я смотрю на каждого русского плантатора,— говорит она,— как на железное звено в огромной цепи, оковывающей это царство; и когда я встречаюсь с ними в обществе, я невольно думаю, что сами они — крепостные люди деспота»**.

Письма мисс Уильмот относятся, как я сказал, к 1805—1807 годам, то есть к началу царствования Александра I. Но дух, господствовавший в дворянской среде, не изменился, конечно, и к концу этого царствования; «то, что называлось высшим образованным обществом,— говорит декабрист И. Д. Якушкин,— большею частью состояло тогда из староверцев, для которых коснуться которого-нибудь из вопросов, занимавших нас, показалось бы ужасным преступлением. О помещиках, живущих в своих имениях, и говорить уже нечего»***. Огромное большинство дворянства и думать не хотело об уничтожении крепостного права.

«Все почти помещики,— продолжает И. Д. Якушкин,— смотрели на крестьян своих как на собственность, вполне им принадлежащую, и на крепостное состояние как на священную старину, до которой нельзя было коснуться без потрясения самой основы государства. По их мнению, Россия держалась одним только благородным сословием, а с уничтожением крепостного состояния уничтожалось и самое дворянство»****. Вы легко можете представить себе, господа, каковы были, каковы должны были быть социальные и психологические последствия такого положения дел. Тот же И. Д. Якушкин справедливо замечает, что крепостное право на каждом шагу обозначалось у нас самыми отвратительными последствиями. «Беспрестанно доходили до меня,— говорит он,— слухи о неистовых поступках помещиков, моих соседей. Ближайший из них, Жиганов, имевший всего 60 душ, разъезжал в коляске и имел огромную стаю гончих и борзых собак; зато крестьяне его умирали почти с голоду и часто, ушедши тайком с полевой работы, приходили ко мне и моим крестьянам просить милостыню»... «В то же время почти беспрестанно

доходили слухи об экзекуциях в разных губерниях»*. Выведенные из терпения крестьяне отказывались повиноваться, и тогда к ним посылали военную силу, чинившую над ними жестокую расправу. Розги и палки, а в крайних случаях штыки и пули, были необходимым плодом и неизбежным воспитательным средством «патриархального» крепостного режима. Жестокость становилась достоинством в глазах тех, которые держались лишь с помощью жестокости. От И. Д. Якушкина мы узнаем, что до похода за границу в 1813—1814 годах офицеры Семеновского полка, считавшиеся тогда лучшими во всей гвардии, любили толковать между собою о том, как лучше наказывать солдат: понемногу, но часто, или редко, но жестоко. «Я очень помню,— говорит он,— что командир 2-го батальона, барон Даллас, впоследствии бывший во Франции при Карле X министром иностранных дел, был такого мнения, что должно наказывать редко, но вместе с тем не давать солдату менее 200 палок, и надо заметить, что такие жестокие наказания употреблялись не за одно дурное поведение, но иногда за самый ничтожный поступок и даже за какой-нибудь промах во фрунте»**.

Все это показывает, что огромное большинство дворян того времени было «активным» разве лишь во вред народу. От этого большинства нельзя было ждать бескорыстных гражданских подвигов. И мы вряд ли ошибемся, отнеся к нему слова К. Ф. Рылеева (в его «Стансах»):

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы холодные
Иль бессмысленных детей...⁹

Но к чести нашей страны, в этой среде, мертвой для всякой живой мысли и для всякого благородного порыва, стали появляться, под влиянием освободительного движения западноевропейского tiers état***, люди, понимавшие весь ужас тогдашнего положения России и готовые всеми силами служить делу освобождения русского народа. Такие люди встречаются у нас уже в восемнадцатом столетии. Это были идеологи, которые (выражаясь словами «Коммунистического манифеста») возвысились до теоретического понимания хода исторического дви-

* Письма из России (1805—1807) мисс Катрин Уильмот, перевод с английского языка, Лейпциг, 1876. Стр. 49³.

** Там же, стр. 61⁴.

*** «Записки декабристов. Выпуск первый. Записки Ивана Дмитриевича Якушкина», Лондон, 1862 г., стр. 8—9⁵.

**** Ibid [там же], стр. 21⁶.

* Ibid., стр. 40 и 24⁷.

** Там же, стр. 28—29⁸.

*** третьего сословия (фр.).— Ред.

жения¹⁰. Они ненавидели крепостное право и стремились к гражданской свободе. При этом они очень ясно сознавали, что гражданская свобода невозможна там, где не существует границ царскому произволу. Так, уже *Княжнин* говорит в своем «*Вадиме*»:

Самодержавие, повсюду бед содетель,
Вредит и самую чистейшу добродетель
И, невозбранные открыв пути страстям,
Дает свободу быть тиранами царям¹¹.

Но самым ярким представителем освободительных стремлений нашего восемнадцатого века был, без сомнения, *Радищев*. Его знаменитое «*Путешествие из Петербурга в Москву*» показывает, как сильно возмущали его «*алчность дворянства, грабеж, мучительство и беззащитное нищеты состояние*». Он называет помещиков *алчными зверями и ненасытными пиявками*; он спрашивает у них, что оставляют они крестьянину, и отвечает: «То, чего отнять не можете, воздух. Да, один воздух. Отъемлете нередко у него не токмо дар земли: хлеб и воду, но и самый свет... Вот жребий заклепанного в узы! Вот жребий заключенного в смрадной темнице! Вот жребий вола в ярме!»*

Ненавидя крепостное право, Радищев ненавидел и царскую власть. В его оде «*Вольность*», замечательной во многих отношениях, особенно поражает нынешнего читателя следующая строфа, очевидно навеянная воспоминанием об английской революции семнадцатого века и оказавшаяся пророческой если не по отношению к России, то по отношению к Франции, где в то время все более и более разыгрывалась революционная буря:

Восстанет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает;
В различных видах смерть летает
Над гордою главой царя.
Ликуйте, склепанны народы!
Се право мщенное природы
На плаху возвел царя!¹³

В лице Радищева мы, может быть, впервые встречаемся с убежденным и последовательным русским революционером из «интеллигенции». И недаром Екатерина II говорила о нем, что он бунтовщик хуже Пугачева...

Известно, что Радищев погиб, можно сказать, дважды, но то стремление, которого он был одним из самых первых представителей, не погибло, а росло и крепло в последующие царствования. В двадцатых годах девятнадцатого столетия это стремление находило себе сторонников между наиболее образованными *офицерами*. Пробуждению политической мысли в офицерской среде много содействовали, как известно, наполеоновские войны. «Пребывание в продолжение целого года в Германии и потом в течение нескольких месяцев в Париже,— говорит И. Д. Якушкин,— не могло не изменить воззрения хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановке каждый из нас сколько-нибудь вырос»*. И когда из этой обстановки, действительно «огромной» в историческом смысле, русская образованная молодежь вернулась на родину, ее неминуемо ожидал ряд самых тяжелых впечатлений; постыдное рабство народа и даже самовластье царя не могли не резать глаз, успевших привыкнуть к более отрадным зрелищам. Это лучше всего видно из записок того же Якушкина.

«Из Франции в 14-м году,— говорит он,— мы возвратились морем в Россию. 1-я гвардейская дивизия была высажена у Ораниенбаума и слушала благодарственный молебен... во время молебствия полиция нещадно била народ, пытавшийся приблизиться к выстроенному войску. Это произвело на нас первое неблагоприятное впечатление по возвращении в отечество**». Интересно, что это неблагоприятное впечатление, полученное Якушкиным, было усилено поведением самого Александра I. При вступлении в Петербург девятой гвардейской дивизии Якушкин со своим приятелем Толстым, стоя недалеко от золотой кареты императрицы Марии Федоровны, «любовались» императором, который на красивой рыжей лошади подъезжал к карете, готовясь опустить шпагу перед императрицей. «Но в самую эту минуту почти перед его лошастью перебежал через улицу мужик. Император дал шпоры своей лошади и бросился на бегущего с обнаженной шпагой. Полиция приняла мужика в палки. Мы не верили собственным глазам и отвернулись, стыдясь за любимого нами царя.

* «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790), лейпцигское издание 1876 г., стр. 219—220¹².

* «Записки», стр. 4—5¹⁴.

** Там же, стр. 5.

Это было во мне первое разочарование на его счет; я невольно вспомнил о кошке, обращенной в красавицу, которая однако ж не могла видеть мыши, не бросившись на нее»*.

Из этих слов Якушкина видно, что в эпоху наполеоновских войн наша образованная и свободомыслящая военная молодежь еще любила Александра I. Это подтверждается и другими свидетельствами. Но по заключении мира дело очень скоро приняло другой оборот. Между тем как передовые люди того времени все более и более убеждались в необходимости широких общественных реформ, Александр I все более и более поддавался влиянию реакционеров. Вечно путешествующий и всегда занятый вопросами международной политики, он почти совсем не занимался внутренними делами, поручая их своим любимцам, между которыми первое место скоро было занято тупым и жестоким Аракчеевым. Члены государственного совета и министры должны были обращаться к нему в тех случаях, где требовалось царское разрешение. Что значил для русского народа Аракчеев, это известно, без сомнения, всем здесь присутствующим, и потому я не стану распространяться об этом. Но я замечу, что чем более росла ненависть к Аракчееву в свободомыслящем меньшинстве тогдашнего русского общества, тем скорее чувство любви к Александру I заменялось у него чувством нерасположения и даже, как говорит Якушкин, *ожесточения***.

Нетрудно понять, как влияло это чувство на образ мыслей тогдашних передовых людей: если *любовь* к императору вызывала в них сочувствие к мирным *реформам сверху* и ожидание таких реформ, то *разочарование* в императоре и ожесточение против него должны были вызывать и укреплять в них сочувствие и стремление к *революционному способу действий*. Люди, которые еще так недавно *«любовались»* Александром I и готовы были идти за ним на край света, веря в его благие намерения, теперь проклинали его, как *«тирана»*, и стали поговаривать о *цареубийстве*.

Это новое настроение передовых людей немедленно отразилось и на их литературных вкусах, они с жаром стали читать древних, особенно *Плутарха*, которым не менее сильно увлекались французские революционеры восемнадцатого столетия. А в их собственных литературных произведениях громко зазвучали *гражданские мотивы*. Припомните *«Думы»* К. Ф. Рылеева: *«Михаил Тверской»*, *«Волынский»*, *«Артамон*

Матвеев» и другие; припомните в особенности его *«Гражданина»*. Это последнее стихотворение так хорошо выражает настроение тогдашних революционеров, что полезно будет прочесть его здесь целиком. Вот оно:

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, не способен я в объятьях сладострастья,
В позорной праздности влачить свой век молодой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.
Пусть юноши, не разгадав своей судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенья века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Они расскажут, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Ризги¹⁶.

К. Ф. Рылеев был по преимуществу певцом гражданских чувств. Он в поэзии ценил прежде всего ее *содержание*, сильно расходясь в этом отношении с Пушкиным, который, даже в годы самых сильных политических увлечений, не переставал быть строгим ценителем *формы*. Но общее настроение передового круга отразилось тем не менее и на Пушкине; укажу для примера на его послание к Чаадаеву, где он приглашает своего друга служить вместе с ним делу освобождения родины:

Пока свободой горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь, взойдет она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна
И свергнет иго самовластья!¹⁷

Не менее характерно и знаменитое стихотворение *«Кинжал»*, в котором резко выделяется беспощадной ненавистью к деспотизму следующая строфа:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой род я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
Я с злобной радостью увижу!..¹⁸

* «Записки», стр. 5—6.

** Там же, стр. 36¹⁵.

Когда у людей возникают такие чувства, тогда действие становится для них *психологической необходимостью*. И мы видим, что уже в 1816 году являются попытки организации *тайных обществ*. Самым замечательным из этих обществ был «Союз спасения или истинных и верных сынов отечества», в основании которого принимали участие братья Муравьевы, Александр и Никита, князь Трубецкой и Павел Пестель. Этот союз поставил перед собою цель *изменения государственных учреждений*. Но в то время существовали и другие тайные общества, цель которых не отличалась такою определенностью: таково, например, было основанное Орловым общество «*русских рыцарей*», члены которого стремились только к «пре-сечению злоупотреблений» и даже намеревались было просить царского на то разрешения. Были еще и другие общества в Петербурге между офицерами некоторых гвардейских полков и в Малороссии, где Новиков основал *Малороссийское* общество при масонской ложе и где образовалось потом общество соединенных славян, стремившееся к освобождению и федеративному объединению всех славянских народов. Но нас более всего интересует здесь судьба «Союза спасения».

В истории этого общества, скоро переименованного в «Союз *благоденствия*», необходимо прежде всего отметить, как эпоху кризиса, московский съезд в феврале 1821 года, на котором решено было прекратить антиправительственную деятельность и положить конец существованию самого общества. На самом деле общество не было распущено, а только *преобразовано*, и самое постановление о прекращении его действия принято было, чтобы удалить из него некоторые ненадежные и нерешительные элементы. Тут же, на съезде, выработан был новый устав, который разделялся на две части: в первой, которая предназначалась для *вступающих*, говорилось, что общество преследует филантропические цели; во второй, предназначенной для *посвященных*, указывалась действительная цель общества: ограничение самодержавия в России. Для заведования и руководства делами общества учреждались особые *Думы*¹⁹. На первый раз таких *Дум* было учреждено четыре: в Петербурге, в Москве, в Смоленской губернии и в Тульчине. В дальнейшей истории Союза главная роль принадлежала Тульчинскому отделу, известному под именем *Южного общества* и находившемуся под влиянием П. Пестеля, и Петербургскому, называемому иногда *Северным обществом*. В нем главное влияние приобрел впоследствии К. Ф. Рылеев.

Уже на московском съезде решено было действовать на войска в духе тайного общества и «*приготовить их на всякий*

случай»*. С этих пор члены «Союза *благоденствия*» не расставались с мыслью о военном восстании, которая росла и зрела, очевидно, под сильным влиянием испанских событий. В 1823 году возник план захватить царя на смотре в Бобруйске. План этот не был приведен в исполнение по недостатку сил, но скоро он опять явился в несколько измененном виде. Именно, в апреле 1824 года Пестель, Бестужев-Рюмин, братья Поджио, Давыдов и Швейковский намеревались убить Александра I на смотре в Белой Церкви и, произведя возмущение в войсках, идти на Киев и на Москву. Пестель рассчитывал, что ему удастся, истребив царскую фамилию, принудить Сенат и Синод к признанию тайного общества временным правительством, на обязанность которого легло бы водворение нового порядка.

Царский смотр в Белой Церкви был отменен, а потому и этот новый план не имел практических последствий.

Пестель был решительным республиканцем и считал необходимым немедленно учредить в России республику. Некоторые другие члены «Союза *благоденствия*» готовы были удовольствоваться созванием Учредительного собрания, которое само определило бы, быть ли России республикой или оставаться монархией**. Но все были совершенно согласны в том, что необходимо положить конец существованию *самодержавия и крепостного права****. Успех заговорщиков знаменовал бы собою торжество гражданской и политической свободы в России. Весь вопрос в том, *возможен ли был успех*. А по этому поводу надо заметить, что в нем сомневались нередко и сами члены «Союза *благоденствия*». И это обстоятельство — сомнение заговорщиков в успехе собственного дела — раскрывает перед нами в высшей степени замечательную черту их психологии. Сомневаясь, по крайней мере по временам, в возможности успеха, члены тайного общества не переставали тем не менее стремиться к борьбе и к открытому восстанию. Они считали, что их гибель даст благодетельный толчок раз-

* Якушкин. Записки, стр. 58²⁰.

** Об этом смотри в «Разборе донесений тайной следственной комиссии», приписываемом Никите Муравьеву и Лунину и напечатанном в «Записках декабристов», выпуск второй и третий, Лондон, 1863 г., стр. 103—136²¹. Замечание об Учредительном собрании находится на стр. 109²².

*** Авторы «Разбора донесений тайной следственной комиссии» справедливо упрекают эту комиссию в том, что она в своем донесении «умалчивает об освобождении крестьян, долженствовавшем возратить гражданские права нескольким миллионам наших соотечественников» (Ibid., стр. 116²³). Говорить об этом намерении «Союза *благоденствия*» было не в интересах следователей.

витию русской политической мысли, и готовы были пожертвовать собою для блага родины. Эта черта их психологии ярко выразилась в знаменитом отрывке из *«Исповеди Наливайко»* К. Ф. Рылеева:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа.
Судьба меня уж обрекла;
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!²⁴

Декабрист Н. А. Бестужев рассказывает в своих *«Воспоминаниях о Кондратии Федоровиче Рылееве»*, что когда Рылеев, написав эту «исповедь», прочитал ее жившему у него Михаилу Бестужеву, тот воскликнул: «Знаешь ли ты, какое предсказание написал ты самому себе и нам с тобою? Ты как будто хочешь указать на будущий свой жребий в этих стихах». — «Неужели ты думаешь, что я сомневался хоть минуту в своем назначении? — отвечал Рылеев. — Верь мне, что каждый день убеждает меня в необходимости моих действий, в будущей гибели, которою мы должны купить нашу первую попытку для свободы России, а вместе с тем в необходимости примера для пробуждения спящих россиян*.

Это свидетельство Н. А. Бестужева не оставляет никакого сомнения в том, что некоторая часть членов *«Союза благоденствия»* сознательно шла на *мученичество*. Но известно, что стремление к мученичеству не только не ослабляет энергии людей, его имеющих, а удесятеряет ее. Рылеев, твердо уверенный в том, что ему необходимо погибнуть «для пробуждения спящих россиян», был, как я уже сказал, душою петербургского *«Северного»* общества, которое, подобно *«Южному»*, находило, что нужно немедленное действие. В 1825 году Рылеев, — по словам *«Донесения следственной комиссии»*, — стал намекать о возможности начать восстание в мае 1826 года. С своей стороны Пестель находил возможным восстать в январе того же года. Но обстоятельства, не предвиденные ни тем, ни другим, сложились так, что «Союз благоденствия» вынужден был взяться за оружие еще раньше этого срока.

* «Полярная звезда», кн. VI, стр. 1—2²⁵.

В июне 1825 года Александр I получил от унтер-офицера 3-го Бугского уланского полка Шервуда *донос*, указывавший на существование тайного общества и даже называвший одного из его членов — Федора Ватковского. В сентябре того же года Шервуд подал новый донос, заключавший в себе более подробные указания. Эти доносы Шервуда были подтверждены доносами генерал-лейтенанта Витта и капитана Вятского полка Майбороды, который сам был членом *«Союза благоденствия»*. На основании этих доносов арестованы были некоторые члены Южного общества и между ними Пестель. За этими первыми арестами неминуемо последовали бы другие. *«Союзу благоденствия»* был бы во всяком случае нанесен ряд сильных ударов. Но он не дождался их. Четырнадцатого декабря, в тот самый день, когда на юге был арестован Пестель²⁶, в Петербурге произошло восстание на Сенатской площади.

Вы все, конечно, знаете, господа, каков был *внешний* повод петербургского восстания. Заговорщики решили воспользоваться для своих целей той неурядицей, которая вызвана была смертью Александра I и препирательствами, возникшими между великими князьями Николаем и Константином по вопросу о престолонаследии.

Еще при жизни Александра Константин более или менее добровольно отказался от своего права на престол, вследствие чего оно перешло к Николаю. Но об этой сделке знали, кроме заинтересованных лиц, лишь очень немногие посвященные, между тем как вся остальная нечиновная и даже чиновная Россия продолжала считать наследником Константина. Когда в Петербург пришло (27-го ноября ст. ст.) известие о смерти Александра в Таганроге, Николай, тотчас после панихиды, отслуженной по Александру в придворной церкви, отвел в сторону петербургского военного губернатора Милорадовича и сказал ему, что по духовному завещанию покойного императора престол принадлежит ему, Николаю. На это Милорадович ответил, что в России есть закон о престолонаследии, повинуюсь которому он уже послал войскам приказание присягать Константину. Николай не мог сломить твердость Милорадовича и увидел себя вынужденным присягнуть своему старшему брату. За ним присягнул Михаил Николаевич и все находившиеся во дворце сановники. Таким образом 27-го ноября 1825 года русским императором сделался Константин.

Но, присягнув своему брату, Николай не считал своего дела проигранным. Он отправил к Константину, бывшему тогда в Варшаве, послов, которые должны были напомнить ему об его отречении от престола. По всему видно, что бывший «це-

саревич» принял это напоминание с большим неудовольствием. Он не согласился всенародно объявить о своем отказе от императорского трона. Но вместе с тем он не решался и оспаривать права Николая. Он сидел в своем кабинете мрачный и растерянный, ничего не предпринимая ни в том, ни в другом смысле. В результате получилось нечто вроде междоусобия, продолжавшегося 16 дней и вызвавшего всеобщее недоумение.

Сибариты высшего петербургского общества, «хладные трупы» и «бессмысленные дети», равнодушные к судьбам своей страны, только острили по поводу этой нелепой неурядицы, спрашивая друг друга, *продадутся ли* и по какой цене *продадутся бараны*. Но «Союз благоденствия» не мог оставаться спокойным. У Рылеева ежедневно собирались на совещание находившиеся тогда в Петербурге члены тайного общества: князь Трубецкой и Оболенский, братья Бестужевы, Глинка, Булатов и другие. И с каждым новым совещанием для них все яснее становилась необходимость воспользоваться междоусобием в интересах своего дела*. Князь Трубецкой был выбран *диктатором*, и ему предоставлена была власть действовать в решительную минуту по своему усмотрению и распоряжаться всеми силами общества. Все понимали, что развязка не заставит себя долго ждать.

Одиннадцатого декабря на собрании у Рылеева решено было не присягать Николаю Павловичу и, подняв гвардейские полки, вести их на Сенатскую площадь. «В надежде на успех,— рассказывает И. Пущин,— был подготовлен манифест, который Сенат должен был обнародовать от себя и которым созывалась Земская дума, долженствовавшая состоять из представителей всей земли русской. Этой Земской думе предоставлялось определить, какой порядок правления наиболее удобен для России. Пока соберется Дума, Сенат должен был назначить временными правителями членов государственного совета: Сперанского, Мордвинова и сенатора И. М. Муравьева-Апостола²⁸. При временном правительстве должен был находиться один избранный член тайного общества и безослабно следить за всеми действиями правительства**.

На следующий день, двенадцатого числа, Рылеев узнал, что тайное общество было предано одним из его членов, Я. Ростовцевым, который счел долгом своей «совести» известить Николая об угрожавшей ему опасности. Таким образом,

* «Нас по справедливости назвали бы подлецами, если бы мы пропустили нынешний единственный случай»,— писал Пущин в Москву Семенову²⁷.

** «Четырнадцатое декабря» И. Пущина²⁹ в «Записках декабристов», выпуски 2-й и 3-й, стр. 143—144³⁰.

последние корабли оказались сожженными; заговорщики не могли бы уже отступить, если бы даже и захотели этого. Но они не думали об отступлении.

Утром четырнадцатого декабря, когда войскам, находившимся в Петербурге, приказано было присягать Николаю, Александр Бестужев и князь Щепин-Ростовский увлекли за собою лейб-гвардейский Московский полк и привели его на Сенатскую площадь. Спустя некоторое время туда же пришли лейб-гренадеры, предводимые батальонным адъютантом Пановым, и моряки гвардейского экипажа с офицерами Кюхельбекером, Арбузовым, Пушкиным, двумя братьями Беляевыми, Дивовым и Бодиско. С гвардейским экипажем пришел также не принадлежавший к нему капитан-лейтенант Н. Бестужев. Все эти войска выстроились тылом к Сенату, лейб-гренадеры налево, а моряки направо от Московского полка.

То, что произошло на площади, можно описать в немногих словах. Отбив кавалерийскую атаку конногвардейцев, «мятежники» продолжали твердо стоять, не поддаваясь никаким «увещаниям», и были рассеяны только *картечью*. Покинув Сенатскую площадь, они попытались было выстроиться на льду Невы, но пушки продолжали делать свое кровавое дело, уничтожая всякую возможность серьезного сопротивления. Восстание было подавлено. Начались массовые аресты.

Само собою разумеется, что Николай жестоко отплатил побежденным за страх, испытанный им ввиду восстания. Но прежде чем описывать его расправу с ними, я хочу прибавить еще несколько слов о действиях заговорщиков в день четырнадцатого декабря.

С точки зрения собственно боевой целесообразности действия эти вряд ли могут выдержать даже снисходительную критику. Правда, много замешательства внесено было в них странным поведением Трубецкого, который не только не исполнил своей обязанности предводителя восстания, но даже не явился на Сенатскую площадь. Но уже одно то обстоятельство, что заговорщики, не решаясь действовать без его приказаний, ждали его до самого вечера в виду войск, оставшихся верными Николаю, как будто показывает, что они мало были расположены к наступательным действиям. Подобное же впечатление производят и многие другие происшествия как этого, так и предыдущего дня. По словам Пущина, Каховский «дал слово Рылееву, если Николай Павлович выедет перед войсками, нанесит ему удар». Это не было сделано. Почему? Пущин объясняет это тем, что Александр Бестужев после, наедине с Каховским, уговорил его не пытаться испол-

нить данное им Рылееву обещание*. Чем руководствовался А. Бестужев, отговаривая Каховского? И почему уступил его настояниям Каховский, не поколебавшийся поднять руку на Милорадовича? — Далее. На последнем собрании у Рылеева, вечером 13-го декабря, решено было, что на другой день утром А. Бестужев и Якубович, выведя из казарм Московский полк, пойдут с ним в артиллерийские казармы на Литейной забрать там орудия и звать артиллеристов на Сенатскую площадь. Это тоже не было сделано. А между тем, как важно было бы для заговорщиков иметь пушки на своей стороне! Но и эту страшную ошибку мог поправить Панов, проходивший с лейб-гренадерами по Дворцовой площади мимо тех самых орудий, которые потом осыпали восставших картечью. Все говорят, что Панов мог тогда захватить эти орудия. Но он даже не пытался сделать это. Тот же Панов проходил со своими солдатами через Петропавловскую крепость и, стало быть, без труда мог овладеть ею, обеспечив этим надежную точку опоры своим единомышленникам в случае неудачи. Но и эта мысль, как видно, не приходила ему в голову? Чем объяснить эти промахи? И чем объяснить, наконец, тот, может быть, крупнейший промах, что восставшие до вечера стояли на площади, дав своим врагам время собраться с силами, а не предупредили их нападения и не напали на дворец ранним утром? Сердце обливается кровью, когда подумаешь, что благодаря всем этим и другим подобным ошибкам заговорщики лишились возможности нанести своим врагам жестокие и страшные удары. И невольно переспрашиваешь себя: да неужели же в самом деле не хватило находчивости, решительности или храбрости у этих блестящих военных людей, полных ума и энергии и умевших смотреть в глаза смерти без малейшей боязни? Нет, такое предположение решительно несообразно с тем, что мы знаем о декабристах. Но если это так, то спрашивается, чем же объясняется нецелесообразное поведение заговорщиков в день четырнадцатого декабря 1825 года?

Я думаю, что на этот вопрос можно правильно ответить лишь указанием на ту черту их психологии, которую я отметил, сказав, что они *сознательно* шли на мученичество. Они мало верили в непосредственный успех своего восстания; это показывают собственные признания многих из них. На совещаниях у Рылеева, происходивших во время междоусобицы, обнаружилось, что силы тайного общества очень малы. Когда

утром 12-го декабря депутаты от разных полков собрались у Оболенского, то на его вопрос: «сколько каждый из них может вывести на Сенатскую площадь?», они ответили, что *не могут поручиться ни за одного человека*. При таких условиях трудно питать уверенность в победе. И если заговорщики все-таки вышли на площадь, то это объясняется их уверенностью в том, что их гибель нужна для пробуждения «спящих россиян». Рылеев, который, по его собственным словам, *мог все остановить* и который всех побуждал к действию, хорошо знал, что идет на гибель. То же знали, как видно, и другие, например молодой князь Одоевский, воскликнувший накануне восстания: «Мы умрем, но мы умрем со славой!»

Если мы допустим, что таково было настроение членов тайного общества, то их действия на Сенатской площади представляются в совершенно новом свете. Смотри на события 14-го декабря как на *сражение* между сторонниками самодержавия и сторонниками политической свободы, мы не можем не видеть *непоследовательности и нецелесообразности в действиях заговорщиков*. Если же мы взглянем на те же события как на *военную манифестацию*, предпринятую людьми, не успевшими и приготовиться к серьезной битве и решившимися погибнуть для того, чтобы своею гибелью указать путь будущим поколениям, то мнимая непоследовательность и нецелесообразность их действий *очень просто объясняется нежеланием усиливать кровопролитие и увеличивать число жертв*. «Эти люди хотели всенародно заявить мысль русской свободы,— справедливо говорит Герцен,— зная, что они погибнут, но что, раз всенародно заявленная, эта мысль уже никогда не погибнет»*. При таком настроении вопрос о том, удастся или нет захватить пушки и занять Петропавловскую крепость, мог иметь в их глазах лишь второстепенное или третьестепенное значение.

Если же, взглянув на дело с этой точки зрения, мы спросим себя, достигнута ли была *главная цель* восставших, то мы, не колеблясь, ответим *утвердительно*, потому что,— как это очень хорошо сказал тот же Герцен,— *пушечный гром, раздавшийся на Сенатской площади, разбудил целое поколение*.

Прибавлю еще, что с этой точки зрения героическая самоотверженность заговорщиков представляется в еще более ярком свете. Укажу опять на Рылеева. Когда он собирался выйти из дому утром 14-го декабря, его жена, догадываясь, что ему грозит большая опасность, стала со слезами упраши-

* «Четырнадцатое декабря» И. Пущина, стр. 146³¹.

* «Четырнадцатое декабря и император Николай», стр. 238³².

вать его остаться. Автор стихотворения «Гражданин» оставался непоколебим. Тогда бедная, пораженная горем женщина закричала своей дочери: «Настенька, проси отца за себя и за меня!» Испуганный ребенок подбежал к отцу и, рыдая, обнял его колени, между тем как мать почти без чувства упала к нему на грудь. Рылеев положил ее на диван и, освободившись из объятий дочери, пошел на площадь*. Перед этой потрясающей сценой бледнеют все остальные проявления героического самоотвержения Рылеева.

Эпилогом событий четырнадцатого декабря является столкновение около Белой Церкви, происшедшее 3-го января 1826 года между солдатами Черниговского пехотного полка, восставшими под командой С. Муравьева, и отрядом генерала Гейсмара. Замечательно, что и в этом столкновении решающую роль сыграла артиллерия. «Приближаясь на известное расстояние к небольшому возвышению, из-за которого действовали два орудия,— говорится в рассказе «Белая Церковь», записанном Ватковским со слов Соловьева, Быстржицкого и Мазолевского**,— Муравьев предложил рассыпать стрелков и под огнем их атаковать орудия. Но прежде чем он это исполнил, открыли картечный огонь. С первых выстрелов Сергей Муравьев ранен картечью в левую часть черепа над глазом, и батальон его рассеялся».

Николай мог теперь праздновать полную победу. И он отпраздновал ее по-своему. Петропавловская крепость была переполнена арестантами, от которых всеми силами старались добиться так называемых чистосердечных признаний. «В полночь внезапно отпирались двери темниц, на узника набрасывали покрывало, безмолвно вели его через коридоры, дворы и проходы крепостные. Когда снимали покрывало, он находился уже в зале присутствия перед членами комиссии. Члены предлагали вопросы на жизнь или на смерть, требовали ответов мгновенных и обстоятельных, обещали именем государя помилование за откровенность, отвергали оправдания, объявляя, что оные будут допущены впоследствии перед судом, вымышляли показания, отказывали иногда в очных ставках и часто, увлеченные своим рвением, прибегали к угрозам и поношениям, чтобы вынудить признание или показание на других. Кто молчал, или по неведению происшествий, или от опасения погубить невинных, того в темнице лишали света,

* Н. Бестужев, *op. cit.*— «Полярная звезда», стр. 30³³.

** Рассказ этот напечатан в «Записках декабристов», выпуск второй и третий, стр. 165—181³⁴.

изнуляли голодом, обременяли цепями. Врачу поручено было удостоверяться, сколько осужденный мог вынести телесных страданий»*. Когда И. Д. Якушкин отказался выдавать своих товарищей, допрашивавший его Левашев воскликнул: «Так вас заставят назвать их. Я приступаю к обязанности судьи и скажу вам, что в России есть пытка». В применении к Якушкину пытка ограничилась только закованием в кандалы, но другим пришлось вытерпеть гораздо больше. Вот что рассказывает о Пестеле один из декабристов, видевший его перед казнью. «Он был после болезни, испытывавши всевозможные истязания и пытки времен первого христианства. *Два кровавые рубца на голове были свидетелями этих пыток!* Полагать должно, что железный обруч, крепко свинченный на голове, с двумя вдавленными глубокими желобами, оставил на голове его свои глубокие два кровавые рубца»**.

Если бесчеловечная жестокость следователей поколебала мужество некоторых (очень немногих) второстепенных членов общества, то на огромное большинство их она совсем не произвела устрашающего действия. Донесение следственной комиссии приписывает почти каждому из них глубокое раскаяние. Но всякий, кто внимательно прочтет это донесение, убедится, что оно систематически искажает истину. Вот яркий пример, приводимый Герценом в его книге «14-го декабря и император Николай»: «Якушкину смертная казнь сведена на двадцать лет каторжной работы в уважение совершенного раскаяния. Между тем раскаяние Якушкина состояло только в следующем: он сказал суду, что соглашался на царевубийство и сам решался на него, что следственно, он должен быть осужден на казнь, и пусть его казнят, но что он более ничего говорить не будет. Император Николай сам его позвал и велел признаться. Якушкин и ему сказал то же, что перед судом. «Да знаешь ли, перед кем ты стоишь? — закричал государь.— За то, что ты государю не говоришь правды, если бы и я тебя помиловал, то на том свете бог тебя не простит».— «Да ведь я в будущую жизнь не верю»,— отвечал спокойно Якушкин. «Вон отсюда этого мерзавца»,— закричал Николай и велел опять отвести Якушкина в тюрьму, дать ему катехизис, кормить его постным и ежедневно посылать к нему попа

* «Разбор донесений тайной следственной комиссии» в «Записках декабристов», стр. 104³⁵.

** «Воспоминания о Кронверкской куртине» (из записок декабриста) в сборнике, напечатанном в Лейпциге и носящем странное заглавие: «Революционные опыты возбуждающегося нигилизма» (sic!)³⁶. О рубцах на лбу Пестеля см. стр. 303³⁷.

для назидания.— Вот и все раскаяние Якушкина». Рылеев прямо заявил следственной комиссии, что честь четырнадцатого декабря принадлежит ему и что он мог все остановить, но считал нужным побуждать к действию. Донесение комиссии и ему приписывает *«совершенное раскаяние и перемену образа мыслей»*. На эту клевету лучше всего отвечает следующее четверостишие Рылеева, написанное им (гвоздем на оловянном блюде) во время его заключения в крепости:

Тюрьма мне в честь, не в укоризну.
За дело правое я в ней,
И мне ль стыдиться сих цепей,
Когда ношу их за отчизну?..³⁸

Верховный уголовный суд «признал и единогласно определил, что преступления, в актах означенные и собственным признанием подсудимых двукратно удостоверенные, подлежат все без изъятия смертной казни». Такой приговор оставлял широкое место как «высокомонаршему милосердию», так и «спасительной строгости». После двукратного «всемилоштивейшего» вмешательства со стороны нового императора он все-таки заключал в себе смертную казнь для пяти обвиняемых, а для остальных каторгу, ссылку, службу в солдатах с выслугой или без выслуги.

Приговор был объявлен подсудимым 13-го июля 1826 года. В этот день в караул при верховном суде был назначен целый эскадрон кавалергардов, которые, по словам одного из осужденных, смотрели на них с умилением и сожалением*.

Вот как описывает этот же осужденный смерть Рылеева и его товарищей:

«В семь часов вечера того же 12-го июля** пришли служители алтарей приготовить наших мучеников к смерти. В восемь часов им принесли саваны и цепи, грустно со стуком прозвеневшие. Потом все затихло. Усталость, изнеможение и душевные волнения этого дня всех прочих заставили приутихнуть, и эта торжественная тишина, только прерываемая беспрестанными повторениями плац-майора и плац-адъютанта не говорить с приговоренными к смерти, была поразительно величественна! Солдаты, прислуживавшие в номерах, чтобы не прерывать эту тишину, ходили на цыпочках. Они плакали.

* «Воспоминания о Кронверкской куртине», вышеназванный сборник, стр. 291³⁹.

** Это очевидная ошибка, потому что исполнение приговора было предписано Сенатом 13-го июля.

В два часа ночи в последний раз прозвенели цепи. Пятерых мучеников повели вешать в ров Кронверкской куртины. Сергей Муравьев-Апостол дорогою сказал громко провожавшему священнику, что вы ведете пять разбойников на Голгофу — и «которые,— отвечал священник,— будут одесную отца». Рылеев, подходя к виселице, произнес: «Рылеев умирает как злодей, да помянет его Россия!» Лейб-гвардии Павловского полка капитан Степанов вел их на виселицу... Тогда же говорили в крепости, что веревки, на которых висели Рылеев и Бестужев-Рюмин, оборвались, и их сызнова в другой раз повесили**.

С тех пор прошло 75 лет, и много других казней видело наше несчастное отечество, много других жертв принесено было делу русской свободы! Но имена Павла Пестеля, Кондратия Рылеева, Сергея Муравьева-Апостола, Петра Каховского и Михаила Бестужева-Рюмина останутся в памяти всех свободолюбивых русских людей, как имена первых из тех наших — увы! многочисленных — мучеников, которые жизнью заплатили за свои революционные стремления. Мы, социал-демократы, помним имена этих мучеников, по-своему преследуя ту самую цель, к которой они стремились всем сердцем и всем помышлением. Но именно потому, что мы чтим в этих людях своих предшественников и хотим продолжать их дело, мы не имеем права закрывать глаза на то обстоятельство, которое помешало их *непосредственному успеху*. Это обстоятельство было указано еще Герценом: *у них не было поддержки со стороны народа, «и судьба их дела решена»***. Я уже указал, что сословие, к которому принадлежали люди четырнадцатого декабря, было консервативно по самому положению своему. То дворянское меньшинство, которое сумело возвыситься над сословными предрассудками и сословными интересами, было слишком слабо для того, чтобы добиться осуществления своих идеалов. Это необходимо знать и помнить, потому что вся дальнейшая история русской революционной мысли — за самыми малыми исключениями — может быть формулирована как ряд попыток найти такую программу действия, которая обеспечила бы революционерам сочувствие и поддержку со стороны народной массы. Мы, социал-демократы, убеждены, что мы нашли такую программу. Беря за точку исхода непосредственные экономические интересы тру-

* «Воспоминания» и т. д., там же, стр. 295—296⁴⁰. На самом деле оборвалось не двое, а трое осужденных: Рылеев, Каховский и Муравьев-Апостол.

** «Четырнадцатое декабря», стр. 199⁴¹.

дящейся массы и прежде всего ее наиболее передовой части: *пролетариата*, — мы стараемся развить ее политическое самосознание и популяризировать в ней идею *борьбы за политическую свободу*. В этом заключается наша месть царизму за те жертвы, которые пали и падают под его ударами. Когда разовьется политическое самосознание русской трудящейся массы, тогда — и только тогда — взойдет та «заря пленительного счастья», о которой говорит Пушкин в послании к Чаадаеву; тогда — и только тогда —

Россия вспрянет ото сна
И свергнет иго самовластья!⁴²

В книгу вошли избранные литературно-критические статьи Г. В. Плеханова, опубликованные в различных изданиях в 1888—1913 годах. Произведения Плеханова, если это особо не оговорено, публикуются по изд.: Плеханов Г. В. Литература и эстетика. М., 1958. Т. 1—2. В текстах и примечаниях Плеханова сохранены особенности орфографии и пунктуации автора. Замечания самого Плеханова, а также подстрочные переводы иноязычных выражений обозначены звездочками, комментарии и ссылки на источники отмечены цифрами. При указании источников везде, где это возможно, приводятся современные публикации (предпочтение оказано полным собраниям сочинений и академическим изданиям); полное библиографическое описание дается только при первом упоминании. Встречающиеся в текстах статей и в примечаниях имена собственные в большинстве своем не комментируются, так как к изданию приложен аннотированный указатель имен.

14-е ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

Впервые опубликовано в марксистском научно-политическом журнале «Заря» (Штутгарт. 1901. № 1), который издавался за границей редакцией газеты «Искра» (В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, В. И. Засулич, А. Н. Потресов, П. Б. Аксельрод); затем отдельной брошюрой (СПб., Изд-во О. Н. Рутенберг, 1906) с цензурными купюрами и поправками. Здесь воспроизводится первоначальный текст статьи.

¹ Плеханов ссылается на работу А. И. Герцена «La Conspiration russe de 1825» («Русский заговор 1825 года»), написанную им на французском языке для ознакомления западноевропейских читателей с основными событиями и политическими мотивами движения декабристов.— См.: Герцен А. И. Собр. соч. и писем.: В 30 т. М., 1958. Т. 13. С. 111—145.

² Плеханов приводит цитату в собственном переводе с французского.— Ср.: Герцен А. И. Собр. соч. и писем. Т. 13. С. 130.

³ Публикация, из которой цитирует Плеханов, представляет собой не-

большую брошюру, выпущенную издательством Э. Л. Каспровича в Лейпциге на русском языке. Эпистолярное наследие сестер Кэтрин и Марты Вильмот (Уильмот), рисующее быт и нравы российского общества начала XIX в., было известно среди русской интеллигенции благодаря А. И. Герцену, который упоминал о нем в ряде своих работ, а также способствовал изданию писем на русском языке в качестве приложения к книге «Записки княгини Е. Р. Дашковой» (Лондон, 1859).

Современное издание писем см.: Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот. М., 1987. С. 211—426. Текст цитаты (в современном переводе) ср.: Там же. С. 305.

⁴ Ср.: Там же. С. 309.

⁵ Плеханов ссылается на текст «Записок Ивана Дмитриевича Якушкина», изданных Вольной русской типографией Герцена отдельной книжкой в серии «Записки декабристов» (выпуск первый).— См.: Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 11. (Далее: Якушкин И. Д. Записки.)

⁶ Якушкин И. Д. Записки. С. 19.

⁷ Там же. С. 32—33, 21.

⁸ Там же. С. 24—25.

⁹ Рылеев К. Ф. Стансы (к А. Бестужеву) // Полн. собр. стихотворений. Л., 1971. С. 98.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 434.

¹¹ Плеханов цитирует строки из запрещенной трагедии русского поэта и драматурга второй половины XVIII в. Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский».— Княжнин Я. Б. Избр. произв. Л., 1961. С. 271.

¹² Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л., 1938, т. 1. С. 378.

¹³ В цитате изменены начало стиха и пунктуация в конце строфы.— Ср.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 5.

¹⁴ Здесь и на следующей странице см.: Якушкин И. Д. Записки. С. 8—9.

¹⁵ Там же. С. 30.

¹⁶ Это стихотворение было одним из самых известных нелегальных произведений Рылеева как при его жизни, так и среди последующих поколений русских революционеров. Плеханов, очевидно, цитирует стихотворение по публикации в журнале Герцена и Огарева «Полярная звезда» (Лондон, 1858. Кн. 2), где оно было напечатано под заголовком «Гражданин» (в автографе, хранящемся в Пушкинском доме, названия нет) с частичными искажениями и без четырех стихов (строки 13—16).— Ср.: Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. С. 97.

¹⁷ Цитата неточна.— Ср.: Пушкин А. С. К Чаадаеву // Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977. Т. 1. С. 307.

¹⁸ Цитата неточна.— Ср.: Пушкин А. С. Вольность: Ода // Там же. Т. 1. С. 284.

¹⁹ «Думы» — руководящие коллегии «Союза благоденствия» на местах; чаще именовались управами. (См., напр.: Нечкина М. В. Декабристы. М., 1982. С. 35.)

²⁰ Якушкин И. Д. Записки. С. 44.

²¹ В 1863 г. А. И. Герцен издал следующую и последнюю книжку «Записок декабристов», объединившую в себе второй и третий выпуски этой серии (см. примеч. 5). Среди других материалов там был помещен «Разбор донесения тайной следственной комиссии государю императору в 1826 году» с указанием двойного авторства данной статьи. Впервые этот документ был опубликован в журнале Герцена и Огарева «Полярная звезда» (Лондон, 1859. Кн. 5).

В советской научной литературе о декабристах установлено подлинное авторство М. С. Лунина (подробнее см. в кн.: Окунов С. В. Декабрист М. С. Лунин. Л., 1985. С. 194); Н. М. Муравьев, возможно, являлся автором исторических комментариев, помещенных в конце статьи. Полный текст «Разбора» см. в кн.: Лунин М. С. Письма из Сибири. М., 1987. С. 67—82.

²² Термин «Учредительное собрание» в тексте, на который ссылается Плеханов, отсутствует. Однако говорится о том, что члены «Союза благоденствия» решили, «чтоб из всех губерний созданы были представители» для определения «нового законоположения для управления государством». — См.: Лунин М. С. Письма из Сибири. С. 70.

²³ См.: Лунин М. С. Письма из Сибири. С. 74.

²⁴ Плеханов цитирует отрывок из неоконченной поэмы Рылеева «Наливайко», посвященной Северину Наливайке, возглавившему в 1594—1596 гг. крупнейшее восстание украинских казаков против польских магнатов. Один из фрагментов поэмы под заголовком «Исповедь Наливайки» был напечатан в «Полярной звезде» А. Бестужева и К. Рылеева за 1825 год. «Исповедь», поразившая современников своей революционной патетикой, стала широко известной среди декабристов. — См.: Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. С. 232—234.

²⁵ См.: «Полярная звезда». Журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарева: В 8 кн. Вольная русская типография. Лондон; Женева. Факсимильное изд., 1885—1869. Кн. 6. 1861 г. М., 1968. С. 1—2. См. также: Воспоминания Бестужевых. М.; Л. 1951. С. 7.

²⁶ П. И. Пестель был арестован 13 декабря, т. е. за день до восстания в Петербурге. (См., напр.: Нечкина М. В. Декабристы. С. 119—120.)

²⁷ В научной литературе о декабристах чаще приводится иная цитата из этого письма (автограф которого был уничтожен адресатом по прочтении), а именно: «Случай удобен; ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов». — См.: Пущин И. И. — Семенову С. М., Петербург, 12 декабря 1825 г. // Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956. С. 97.

²⁸ По воспоминаниям декабристов, в числе других кандидатов во Временное революционное правительство назывались также имена генералов

А. П. Ермолова и П. Д. Киселева, адмирала Д. Н. Сенявина, а от тайного общества — Г. С. Батенькова.

²⁹ Очерк «Четырнадцатое декабря» был впервые опубликован Герценом в сб. «Записки декабристов» (Лондон, 1863. Вып. 2—3. С. 137—162) как произведение И. И. Пущина. В действительности автором очерка был И. Д. Якушкин. Сообщение в печати о подлинном авторстве очерка содержалось в предисловии Е. И. Якушкина — сына декабриста — к полному изданию «Записок И. И. Пущина о Пушкине» (СПб., 1907. С. 3). Поскольку Плеханов писал свою статью в 1901 г., т. е. до выхода данной публикации, он, согласно изданию Герцена, считал автором очерка И. Пущина.

³⁰ См.: Якушкин И. Д. Записки. С. 146.

³¹ Там же. С. 148.

³² Плеханов ссылается на сборник «14 декабря 1825 и император Николай. Издано редакцией «Полярной звезды» по поводу книги барона Корфа» (Лондон, 1858).

В этот сборник, составленный Герценом и Огаревым, были включены как документы, освещающие движение декабристов, так и публицистические статьи самих редакторов «Полярной звезды», содержащие убийственную критику официальной и клеветнической книги (Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I-го. СПб., 1857), которая извращала историю декабристского движения и оскорбляла память героев.

Плеханов здесь цитирует статью «Разбор книги Корфа», помещенную в сборнике за подписью «Р. Ч.» («Русский Человек». — Ред.), полагая, видимо, что она написана А. И. Герценом. В действительности автором статьи является Н. П. Огарев. — См.: Огарев Н. П. Избр. социально-политич. и философ. произв.: В 2 т. М., 1952. Т. 1. С. 225.

³³ См.: «Полярная звезда». Журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Кн. 6. 1861 г. М., 1968. С. 30. См. также: Воспоминания Бестужевых. С. 37.

³⁴ Плеханов дает отсылку на упоминавшееся уже выше издание А. И. Герцена (см. примеч. 5 и 21), где был впервые напечатан документальный рассказ «Белая церковь» о восстании Черниговского полка с подзаголовком: «Рассказ этот был записан Ватковским со слов Соловьева, Быстрицкого и Мазолевского». Однако написание фамилий искажено. В действительности рассказ записан Ф. Ф. Вадковским со слов участников событий — В. Н. Соловьева, А. А. Быстрицкого и А. Е. Мозалевского. — См.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. Т. 1. С. 192—201. Цитируемый Плехановым текст см. на с. 198.

³⁵ Лунин М. С. Письма из Сибири. С. 67 (см. также примеч. 21).

³⁶ «Воспоминания о Кронверкской куртине» принадлежит декабристу Н. Р. Цебрикову. Впервые были опубликованы в «Полярной звезде» А. И. Герцена и Н. П. Огарева (Лондон, 1861. Кн. 6) с анонимным подзаголовком «Из записок декабриста», затем перепечатывались в книге «Революционные опыты возбуждающегося нигилизма» (Лейпциг, изд-во Э. Л. Каспровича, 1874. Т. 1. Сер. «Собрание материалов для истории возрождения России»).

Текст воспоминаний см. также в кн.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. 1. С. 255—263.

³⁷ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. 1. С. 259. Другие декабристы в своих мемуарах не подтверждали этого свидетельства.

³⁸ Плеханов цитирует приписываемое Рылееву четверостишие по публикации «Воспоминания о Кронверкской куртине» (см. примеч. 36). См. также: Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. С. 355.

³⁹ См.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. 1. С. 258.

⁴⁰ Там же. С. 260—261.

⁴¹ Плеханов ссылается на статью А. И. Герцена «Письмо к императору Александру II», помещенную в сборнике «14 декабря 1825 и император Николай» (см. примеч. 32).— См.: Герцен А. И. Собр. соч. и писем. Т. 13. С. 44.

⁴² См. примеч. 17.

ВИССАРИОН ГРИГОРЬЕВИЧ БЕЛИНСКИЙ (1811—1848)

Впервые напечатано в качестве главы второго тома «Истории русской литературы XIX века» (М., Изд-во товарищества «Мир», 1909).

Здесь публикуется по изданию: Плеханов Г. В. Эстетика и социология искусства: В 2 т. М., 1978. Т. 2.

¹ Лажечников И. И. Заметки для биографии Белинского // В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977. С. 43—44.

² Из бумаг князя В. Ф. Одоевского // Русский архив. 1874. Кн. 1. С. 341.

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 499.

⁴ В. Г. Белинский — М. И. Белинской (матери), 21 мая 1833 г. // Полн. собр. соч. Т. 11. С. 94—95.

⁵ В. Г. Белинский — В. П. Боткину, 30 декабря 1840 г.— 22 января 1841 г. // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 11.

⁶ «Молва» (М., 1831—1836) — газета, приложение к «Телескопу»; изд. Н. И. Надеждин; с июня до середины декабря 1835 г. редактировалась В. Г. Белинским.

⁷ «Телескоп» (М., 1831—1836) — «журнал современного просвещения»; изд. Н. И. Надеждин.

⁸ «Московский наблюдатель» (М., 1835—1839) — «журнал энциклопедический»; с 1838 г.— изд. Н. С. Степанов, при котором руководство изданием негласно перешло к В. Г. Белинскому.

⁹ «Отечественные записки» (СПб., 1820—1884) — ежемесячный «учено-литературный журнал»; ред.-изд.: П. П. Свиньин (1820—1830), А. А. Краевский (1839—1867), Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин и Г. З. Ели-

сеев (1868—1884). В 1861—1867 гг. журнал занимал умеренно консервативные позиции, с 1868 г. стал ведущим демократическим изданием.

¹⁰ «Современник» (СПб., 1836—1866) — литературный журнал, основанный А. С. Пушкиным, после гибели которого издавался в пользу его семьи группой друзей во главе с В. А. Жуковским; ред.-изд.: П. А. Плетнев (1838—1846), Н. А. Некрасов и И. И. Панаев (1847—1862), Н. А. Некрасов (1863—1866). С 1856 г., вплоть до его закрытия царским правительством, журнал являлся основным органом революционно-демократического направления.

¹¹ Имеется в виду стихотворение «Русская быль», которое явилось единственным дошедшим до нас поэтическим произведением Белинского.— См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 505—509.

¹² «Листок» (М., 1831) — газета литературного направления; изд. К. В. Львов; выходила только один год.

¹³ «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» (СПб., 1831—1839) — газета; ред.: А. Ф. Воейков (1831—1836), А. А. Краевский (1837—1839).

¹⁴ «Литературная газета» (СПб., 1840—1849) — газета; изд.-ред.: А. А. Краевский (1840, 1844—1848), Ф. А. Кони (1841—1843), Н. А. Полевой (1846), В. Р. Зотов (1849).

¹⁵ «Физиология Петербурга» — сборник очерков и рассказов русских литераторов 40-х г. XIX в., вышедший в двух частях (СПб., 1845) под редакцией Н. А. Некрасова.

¹⁶ «Петербургский сборник» — альманах, изданный под редакцией Н. А. Некрасова (СПб., 1846).

¹⁷ Пыпин А. Н. Белинский, его жизнь и переписка: В 2 т. СПб., 1876. Т. 1. С. 448.

¹⁸ Тургенев И. С. Воспоминания о Белинском // В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. С. 485—486.

¹⁹ Из бумаг князя В. Ф. Одоевского // Русский архив, 1874. Кн. 1. С. 339.

²⁰ Гегель Г. В. Ф. Философия права. Предисловие // Соч. М., 1934. Т. 7. С. 15.

²¹ Ср.: Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Учение о сущности // Соч. Т. 5. С. 652.

²² См.: Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. 7. С. 16.

²³ В. Г. Белинский — Н. В. Станкевичу, 29 сентября — 8 октября 1839 г. // Полн. собр. соч. Т. 11. С. 385.

²⁴ Там же.

²⁵ Герцен А. И. Былое и думы // Собр. соч. и писем. Т. 9. С. 38.

²⁶ Неточная цитата из письма В. Г. Белинского М. А. Бакунину от 13—15 августа 1839 г.— См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 271.

²⁷ В. Г. Белинский — М. А. Бакунину, 16 августа 1837 г. // Там же. С. 175.